

Происхождение рабатских ковров связано с легендой об аисте, обронившем занесенный из Турции лоскут на террасу одного из домов Рабата. Рисунок понравился, и местные мастерицы — а ковры ткут в Марокко женщины, девушки и совсем маленькие девочки — начали создавать новые ковры, непохожие на традиционные. Для рабатского ковра характерны многокрасочные бордюры с цветочным орнаментом, идущие один за другим от края ковра к внутреннему полю красного, розового или малинового цвета, усыпанному мельчайшими узорами вокруг крупного центрального медальона. Ценители с богатым воображением сравнивают такой ковер с идеальным садом, населенным редкостными растениями и чудесными цветами грез. За старинными рабатскими коврами охотятся коллекционеры, готовые заплатить бешеные деньги. Делают подобные ковры и сейчас, причем не только в Рабате, но и в Касабланке, а некоторые фесские купцы утверждают, что самые лучшие «рабатские» ковры изготовлены в Фесе. Впрочем, «марокканские» ковры делают и вдали от Марокко. Их популярность настолько велика, что в некоторых странах Западной Европы налажено производство подделок, снабжаемых этикетками с надписью «Сделано в Марокко».

Марокканское ковроткачество определяется берберскими традициями, уходящими в глубь веков. Все берберские ковры отличаются одной общей чертой: простым, на первый взгляд, рисунком геометрического орнамента, нередко асимметричным, отсутствием радужной пестроты. Ромбы, квадраты, зигзаги, какие-то таинственные знаки, два-три цвета — вот почти и весь арсенал изобразительных средств. А какое удивительное разнообразие неповторимых вариантов, подсказанных окружающими пейзажами и материалом, использованным для изготовления того или иного ковра! Интересно, что эти ковры — точно такие же, как те, что украшали жилище бербера сто, двести, тысячу лет назад, — вдруг оказались вполне отвечающими требованиям нынешней моды и самым естественным образом вписались в современный интерьер, вызвав большой спрос на западноевропейском рынке. Пышность ворса плотных, тяжелых ковров из овечьей шерсти, необычная длина кистей, прелесть живых натуральных красок, радующих глаз, создают комфорт и уют.

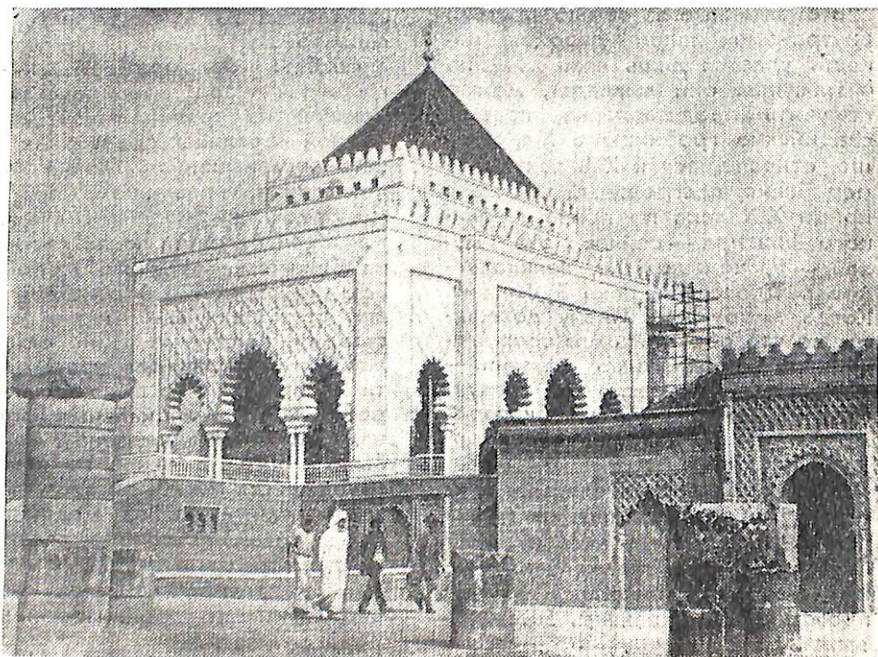
Когда-то ковры ткали в палатках сразу же после жатвы. Каждая семья — свой. Ковер был главной «мебелью» в семейной палатке, спасая ее обитателей от сырости. Нередко на помощь ковровщице приходил муж или отец, конструировавший рисунок. Из семейного производства родилась целая кустарная промышленность, свято хранящая традиции. Ковры таких племен, как земмуры, зайяны, аит-сегрушен, бенимгильд, аит-айюб, и многих других избежали угрозы превращения в музейную редкость или — хуже того — исчезновения и забвения. Искусство берберского ковра живет. Причем не только благодаря усилиям профессиональных ремесленников. Домашнее ковроткачество отнюдь не изжило себя. В дуарах Среднего и Высокого Атласа в полутемных хижинах и в палатках рождаются произведения народного искусства, способные удовлетворить самый взыскательный вкус.

Любопытно, что самыми «берберскими» считаются так называемые ковры Шишауа, хотя изготавливают их потомки бедуинов из племени уляд-бессеба, переселившиеся на равнину Хауз из Сахары в конце XIV века. Эти ковры легко узнать по преобладанию красных тонов. Наиболее распространенная вариация — гладкий ковер ярко-красного, кирпичного, темно-красного или розового цвета с

зигзагообразной черной линией вдоль края или несложным геометрическим рисунком в центре. На некоторых коврах вытканы какие-то символы, колдовские знаки, стилизованные скорпионы, сколопендры, зубчатые лапы... Творец ковра сам не сумеет разъяснить, что все это обозначает. Так делали в старину, далеко отсюда, в песках Сахары. Значит, так надо. И незачем угадывать таинственный смысл рисунка, ибо что же в нем останется таинственного, если он поддается разгадке...

В каждом доме селений уляд-бессеба есть ковроткацкий станок. В свободное от полевых работ, занятий по хозяйству время женщины, молодые и старые, моют козье и овечье руно, вычесывают его, прядут шерсть, красят ее и ткут свои замечательные ковры, не задумываясь о том, под каким именем они дойдут до покупателя. Да и покупателя-то они не знают, потому что ковры отвозят километров за тридцать в торговый городок, что стоит на большой дороге, на полпути из Эссауиры в Марракеш. И уже отсюда они расходятся по всей стране и идут за границу как «ковры Шишауа» — так зовется этот городок, получивший известность благодаря шедеврам, сотворенным руками мастериц, даже не предполагающих, что они по праву могут считать себя настоящими художницами.

Мавзолей Мохаммеда V в Рабате.
Фото ТАСС

РЕЮНЬОН: ТРЕБУЮТСЯ ПЕРЕМЕНЫ

С. КУЛИК

САТЫЙ чиновник иммигранционных властей, не поднимая глаз, перелистал мой паспорт, проштемпелевал анкету и лишь потом обратился ко мне:

— Досиживаю здесь последний год перед пенсией, но впервые вижу на Реюньоне людей из коммунистической страны. Да, времена меняются...

Затем — долгое ожидание в очереди к таможеннику, который скрупулезно, до последней мелочи, перебирал вещи у всех прибывших пассажиров. Коммерсант-индиец — я познакомился с ним в самолете, летящем с Маврикия — объяснил: «Почти все товары привозят на Реюньон из Франции, за 12 тысяч километров. Поэтому у нас все очень дорого, намного дороже, чем на соседнем Маврикии, получающем многие продукты из бывших английских колоний в Африке. Отсюда — спекуляция, контрабанда».

Маврикий и Реюньон — острова-братья, два гигантских вулкана, появившихся в далекую геологическую эпоху со дна морского. Вместе с островом Родригес они образуют Маскаренский архипелаг, помеченный едва заметными точками на карте Индийского океана. Название архипелага получил по имени своего первооткрывателя португальца Педру де Машкареньяша, побывавшего здесь в 1507 году. Однако португальцы не смогли закрепиться на островах, и в середине XVII века их прибирает к рукам Франция. В период наполеоновских войн Маскарены захватывает Англия, но по Венскому договору 1815 года Реюньон вновь делается французским владением. Кстати, в переводе с французского языка «Реюньон» означает «воссоединение». Сегодняшний Реюньон, как и ряд других территорий со значительным французским населением — Гваделупа, Мартиника, Гвиана, — считается «заморским

департаментом» Франции. Его 410-тысячное население, как и население метрополии, избирает своих представителей во французский парламент.

Обо всем этом я прочитал в ярком рекламном проспекте для туристов все в той же очереди к таможеннику. Потом облаченный в красную феску носильщик отнес мой чемодан в машину, и молодой таксист начал расхваливать достоинства отелей, в которых обычно останавливаются иностранцы. Я выбрал отель «Лябурдене», расположенный на берегу океана, там, где начинается рю де ля Виктори — центральная улица реюньонской столицы Сен-Дени.

СТОЛИЦА В СТИЛЕ ЛУИ XVI

По масштабам крохотного Реюньона, площадь которого едва превышает две с половиной тысячи квадратных километров, Сен-Дени — довольно большой город. Он начинается у океана, амфитеатром поднимаясь вверх по склонам гор.

Вблизи порта и примыкающего к нему недавно созданного индустриального района, где повлажней и жарче, живет рабочий люд, чуть повыше — мелкие чиновники и торговцы. Эта часть города, застроенная одноэтажными белыми домиками с обязательными крохотными палисадниками, оживленной уличной жизнью, дешевыми бистро и тавернами, приоткрывшимися в тени деревьев, напоминает провинциальные города юга Франции. Дальше, там, где улицы начинают резко подниматься вверх, где с гор дует освежающий ветер, появляются дворцы плантаторов и виллы промышленников, дорогие гостиницы для туристов.

На рю де ля Виктори и в скверях много памятников — француз-

скому губернатору острова Лябурдене, авиаторам, которые первыми преодолели Индийский океан и добрались воздухом до Реюньона, Леконту де Лиллю — уроженцу острова, замечательному французскому поэту, воспевшему в своих стихах природу Африки. Пересекая площадь у величественного дворца префектуры, рю Виктори также начинает ползти вверх. Это самая старая часть города, застроенная особняками и зданиями правительственных учреждений в стиле Людовика XVI.

Другая основная магистраль Сен-Дени — рю Леклерк. Ранним утром, когда еще опущены жалюзи магазинчиков, а двери и окна многочисленных лавок прикрыты обшарпанными ставнями, улица кажется унылой. Но через час-другой ее уже не узнать. Фасады торговых зданий расцветиваются пестрыми солнечными тентами, прямо на тротуарах появляются груды товаров, многоголосая толпа устремляется на рынок. Здесь можно увидеть и старую, как будто сошедшую со страниц флоревских романов, французенку в черном салопе и длинном платье с бесконечными оборками, и борохатого араба в белой галабии, и красавицу-креолку в ярком нейлоновом одеянии.

Высадившись в середине XVII века на побережье Реюньона, французы начали заселение тогда необитаемого острова. За первое столетие колонисты, зная толк в гастрономии, почти полностью извели на бульон черепах, съели голубей, уничтожили птицу додо, но мало продвинулись в освоении острова. Не хватало рабочих рук. И тогда Лябурдене решил эту проблему в духе своего времени: начиная с 1735 года на остров с Мадагаскара и Занзибара доставлял крупные партии рабов — африканцев и мальгашей, а позднее — тысячи законтрактованных рабочих-тамилов с Малабарского

побережья Индии. Потом к ним прибавились торговцы-арабы и слуги-китайцы. Так образовался пестрый конгломерат современного населения острова — разноплеменного, разноязыкого, исповедующего различные религии.

Оторвавшись от родины, теряя связь друг с другом, эти выходцы из Африки и Азии постепенно забыли родной язык, национальные обычаи, восприняли французскую культуру. Лишь очень немногие эмигранты, главным образом недавние, сохранили свои национальные особенности. «Мы считаем, — говорит генеральный секретарь ЦК Реюньонской коммунистической партии Поль Вержес, — что реюньонцы не являются нацией, но представляют собой самостоятельную народность, которая, развиваясь под господствующим влиянием французского языка и культуры, в то же время впитала в себя много черт, свойственных другим народам».

У КРЕСТЬЯН САЛАЗИ

А как выглядят внутренние районы Реюньона? Я сел в автобус и отправился в Хельбург — небольшой городишко, расположенный в самом центре острова, в Салазском ущелье. Сначала дорога шла вдоль океана, к которому непроходимой стеной подступают тропические леса, потом резко свернула на юг и поползла вверх, вдоль извивающейся змейкой реки Мэ. Узкое русло, над которым нависли черные базальтовые скалы, бесчисленные водопады, низвергающиеся прямо в реку, а где-то вдали — величественная вершина Питон-де-Неж — самая высокая точка Реюньона (3069 метров). Салазцы рассказывают, что почти каждый год Питон-де-Неж на несколько дней надевает белую снежную шапку, но она быстро исчезает под безжалостными лучами солнца тропиков.

Живут в Салазском ущелье трудолюбивые крестьяне, ведущие постоянную борьбу с природой, отвоевывая у гор каждую пядь земли. Этот район Реюньона специализируется на выращивании хинного дерева. Однако здесь можно встретить и другие культуры. Реюньон нередко называют «подсобным хозяйством» известной французской парфюмерной фирмы Диора — здесь выращивают растения-эфироносы — герань, ветиверию, иланг-иланг.

Долгое время крохотному Реюньону удавалось сохранять за

собой первое место в мире по производству натуральной ванили и в значительной степени обеспечивать запросы парфюмерной промышленности Франции. Лишь в последние годы из-за конкуренции синтетических веществ площадь под культурами «ароматного экспорта» Реюньона резко сократилась. Это вызвало разорение крестьян и сокращение внешнеторгового оборота острова.

В противоположном конце острова, на южном побережье, находится плоскогорье Кафров — район действующих вулканов, занимающий пятую часть площади Реюньона. Последнее извержение крупнейшего из них — Ла-Фурнэз — произошло в 1862 году. Сейчас вулкан дремлет. Если по крутой тропе, петляющей среди глыб черного туфа, вскарабкаться к полукилометровому кратеру Ла-Фурнэз, то в глубине, точно в фантастической преисподней, можно увидеть кипящую массу раскаленных камней и газов. Из некоторых, более мелких вулканов и сегодня изливается вязкая черная лава. Она медленно сползает с гор, создавая на их склонах рельеф, напоминающий лунный. У самого океанского побережья поток лавы пересекает главное шоссе острова. Несколько отрядов рабочих с помощью скреперов и бульдозеров постоянно расчищают дорогу, отвоевывая ее у стихии.

На Реюньоне нет естественных бухт, которыми так богат Маврикий, а следовательно, нет и хороших портов. «Морскими воротами» острова считают Пор-де-Гале — искусственную гавань буквально вырыли километрах в десяти к югу от Сен-Дени. Сейчас Пор-де-Гале может принимать крупные океанские суда, совершающие рейсы между Африкой, Азией и Австралией и регулярно заходящие на Реюньон.

Неприветливый ландшафт плоскогорья Кафров оживляют лишь бурные и шумные реки — порожистые, изобилующие водопадами, — теми самыми, что тревожат воображение филателистов на разноцветных реюньонских марках. Островные реки обладают огромными запасами электроэнергии. Однако она почти не используется. Самая большая гидростанция Реюньона — Ланжевен, построенная в 1960 году, вырабатывает так мало энергии, что жители глубинных поселков до сих пор по вечерам вынуждены зажигать свечу.

Кончилось плоскогорье Кафров, и снова резко изменился ландшафт. Шоссе вдруг ныряет под

сплошной полог древовидных папоротников, пальм и казуарин, усеянных разлапистыми мхами. Местами, уступив человеку, лес расступается — начинаются плантации сахарного тростника. Чем дальше в глубь острова, тем чаще попадаются заброшенные плантации, по два-три года не обрабатываемые участки. Сахарный тростник — главная экспортная культура Реюньона. С его производством сейчас большие трудности. Чтобы не создавать конкурен-

Араб-лавочник из Сен-Пьера, проживавший в Салази (верхнее фото справа) и студентка колледжа из Сен-Дени (нижнее фото справа), чьи черты выдают малагасийское происхождение. Как не похожи эти люди друг на друга! Но все они — реюньонцы.

Фото С. Кулика

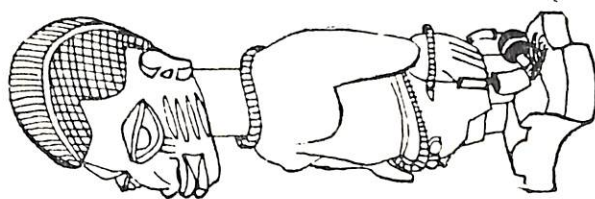
ции для сахарной свеклы в метрополии, французские власти почти на треть сократили закупочные цены на реюньонский тростник.

— Конечно, страдают от этого не крупные плантаторы, которым принадлежит около половины земель острова, — рассказывает мн

Б И Б Л И О Т Е Ч К А Ж У Р Н А Л А

ВЫПУСК ШЕСТОЙ * 1971

Давид Диоп

ВЫЗОВ НАСИЛЮ

ПЕРЕВОД
МОРИСА ВАКСМАХЕРА

Выдающийся африканский поэт-революционер Давид Дион (1927—1960) незадолго до своей гибели писал: «Африканский поэт, избравший своим героем человека, рядом с которым он живет, которого видит в страданиях и борьбе, не будет забыт будущими поколениями нашей страны». Эти слова с полным основанием можно повторить, имея в виду самого Давида Диона. Его творческое наследие, созданное на французском языке, по праву стало важной вехой в развитии культуры его родного Сенегала, всей прогрессивной Африки.

Переводчик его стихов на русский язык Морис Ваксмахер пишет: «Стройный эмоциональный стихол поэт Дион ослетен, как ланани, ворохом ассоциаций, картинками детства, фольклорными образами, штрихами быта большого города. Сквозь интонацию политического агитатора пробирается ритм исконных обычаев, а приемы народной африканской песни, фольклорные повторы и параллелизмы легко и естественно сливаются с языком свободного стиха.

Короткая жизнь Давида Диона — он прожил всего тридцать три года — оборвалась в авиационной катастрофе, но его поэзия продолжает свой полет. Ибо его поэзия — голос вступающей во весь рост демократической Африки, голос ее любви и гнева. Чистый голос и чистая совесть».

Звавших к убийству,
Вижу вспоротые животы среди белых снегов.
И страх, затаившийся в провалах улиц.
О старый мой негр, жнец безвестных земель,
Благоуханной земель, где каждый бы счастье
И с твоими камнями прозрачными, и с золотыми
Что же случилось с зарей, осенившей твой лоб,
И с твоими мечами?

Ты насчастен и гол,
Ты — потухший вулкан, мишень непрестанных
Ты отдан на милость чужого богатства
И чужой ненасытной жадности.
Шутники тебе дали кличку «Белаянка»,
Ах, это смешно, ах, это прелестно,
И в восторге тряслись эти жирные морды,
Ах, какое забавное слово и, право, не злое,
И вот ему, бедному, грош...
Но я-то, но я — я что сделал в то утро, тебя
повстречав,

В то сырое печальное утро,
Утонувшее в пене тумана, где гнили короны! —
Что я сделал? Я витал в облаках
И носил снисходительно
Ночные тоскливые звуки,
Недвижные раны,
Рубище в лагерах бескрайнего ужаса.
Был кровавым песком,
И я видел, как занимается день, день такой же,
И я пел во все горло какую-то песенку,
О погребенные травы,
О развезенные семена!
Прости меня, негр, мой вожатый,
Прости меня, сердце мое,
О брошенные доспехи, о победы, пришедшие
поздно!

Терпенье, терпенье, карнавал уже умер.
Я отчаянно ураган для грядущих посевов,
Для тебя мой негр, мы возродим
Гану и Томбукту
И наполним гитары веселыми плясками,
И удары звенящих пестов, толгущих зерно,
Возвещат
От хижин к хижине
Наступленья лазури.

Ты проходишь —
Завидуют девушки
Бедер твоих горячему ритму.

О Рама Кам.

Ты танцуешь,
И тамтам, Рама Кам,
Тамтам, тугой, как победная сила
Прерывисто дышит под быстрыми
мужская,
пальцами музыканта.

А если ты любишь,
О Рама Кам, уж если ты любишь,
Ты — словно черная ночь,
В отблеске синих зарниц,

Рама Кам!

НИЩИЙ НЕГР

Эле Сезэру

Ты, шагавший с трудом, как потрепанная мечта,
Как мечта, измочаленная всеми ветрами
аселенной,
Скажи мне, какими кремнистыми тропами,
Какими оврагами, полными грязи, мученья,
смиренья,
Какими, скажи, каравеллами, водружавшими
от острова к острову
Негритянской крови знамена, вырванные
из почвы Гвинеи,—
Скажи мне, какими путями-дорогами донес ты
терновое рубище
До странного кладбища, где небо открылось тебе.
Я вижу в твоих глазах отраженья привалов
усталости,
Вижу отсвет рассветов, возвешавших начало
нового дня
На плантациях и в рудниках.
Я вижу забытого Сундиату
И непокорного Чаку, который унес на дно океана
Сокровище пламенных и шелковистых легенд.
Вижу эхо военных оркестров,

ВРЕМЯ СТРАДАТЬ

Белый убил моего отца —
Гордого моего отца.
Белый опозорил мать мою —
Мою красавицу мать.
Белый заставил брата,
Могучего моего брата,
Спину под солнцем гнуть.
Белый протянул ко мне руки,
Красные от черной крови,
И крикнул надменно:
«Бой! Умыться! Воды!»

ТОТ, КТО ВСЕ ПОТЕРЯЛ

В хижинах наших сверкало солнце,
И женщины были стройны и гибки,
Как пальмы в час вечернего бриза,
И беззаботно скользили дети
По мертвым глубинам реки,
И отважно сражались мои пироги
Со стадами злых крокодилов.
А ночами луна, как добрая мать,
Смотрела с улыбкой на пляски,
На наши пляски под гул тамтамов,
В тяжелом неистовом ритме тамтамов,
Тамтамов радости, страсти, счастья
возле костров свободы,
А потом пришла тишина...
И солнце погасло в нашем небе,
И в хижинах наших погасло солнце,
И захватчик с глазами стального цвета
Потянулся своим тонкогубым ртом
К красным губам наших черных
женщин.

И детям моим пришлось забыть
Свою беспечную наготу
И напялить на себя солдатский мундир
Цвета железа и крови.
Цепи рабства сковали мне сердце,
И ты замолчал, мой тамтам,
Тамтам моих ночей,
Тамтам моих отцов.

ВЫЗОВ НАСИЛЬЮ

Ты плачешь, ты спину гнешь,
Ты гибнешь, не зная за что,
Ты бьешься, ночами не спишь,
Чтобы тот, другой, отдышал,
Ты разучился смеяться,
О брат мой, с глазами, полными
страха и боли,—
Поднимись и скажи:
«Нет!»

ГОРЕ ТЕБЕ, БЕДНЫЙ НЕГР

Горе тебе, бедный негр!..
Хлыст свистит,
Свистит над твоей спиной,
Облитой потом и кровью.
Горе тебе, бедный негр!
Долог, о, долог день,
Долго надо носить
Белую споловую кость
Для белых твоих господ.
Горе тебе, бедный негр!
Голодны дети твои,
Голодны, а лачуга пуста,
Пуста: еда же твоя спит,
Спит в господской постели.
Горе тебе, бедный негр,—
Черный, как горе твое!

О безумце слепом, который осмелился видеть,
О господстве своем, которое подгнивать
И взлетела твоя голова
Под истерический глот.
начинает,—

В виллах с кондиционированным воздухом,
Над стаканами с лимонадом,
Спокойная совесть вкушает заслуженный отдых.

УВЕРЕННОСТЬ

Тем, кто убийствами вскормлен,
Тем, чье господство отмечено веками
Я говорю: время и люди,
Я говорю: солнце и звезды
Полнятся братским ритмом народов,
Я говорю: разум и сердце
В строй единый встанут,
Я говорю: каждый миг на земле
Рождается новое лето,
Я говорю: отважные бури
Сметут торговцев смиренем,
И небо, взглянув на людей,
Увидит улыбки счастья.

РАМА КАМ

Песнь, посвященная негритянке

Мне нравится твой дикий взгляд,
На губах твоих — привкус манго,

О Р а м а К а м,

Твое тело — как черный перец —
Разжигает во мне желание,

О Р а м а К а м,

«Нетерпеливый мой сын! Ты видишь
там, вдалеке,—
Ослепительно одинокое среди белых
увядших цветов?
Вот она, Африка, вот твоя Африка,
И она терпеливо, упрямо растет,
И плоды ее день за днем
Наливаются терпким соком свободы».

ЧЕРНОМУ ЮНОШЕ

В пятнадцать лет
Вся жизнь полна обещаний...

В стране, где дома задевают небо,
Но ничто и никто не в силах задеть сердце,
В стране, где так любят руку на Библию
класть,
Но Библия всегда остается книгой за семью
печатами,
Пятнадцатилетняя жизнь — это корм
для голодной реки,
Если это жизнь молодого проклятого негра.
Однажды в августе, вечером теплым,
Юноша черный совершил преступление,
Посмел — о, ужас! — воспользоваться
своими глазами,
Его мечтательный взгляд скользнул
по губам,
По груди, по ногам белой женщины,
Он посмотрел на белую женщину, которую
только белый
Право имеет обнять в римах черного блюза,
А черный — лишь за безымянными стенами.
«За каждый проступок надо платить», —
говорили тебе не раз.
И вот двое белых решили свершить
правосудье,
Двое взрослых людей встали на чашу весов,
А на чаше другой — твоя пятнадцатилетняя жизнь,
Полная обещаний.
Эти двое вспомнили обо всех запятнанных
женщинах,

ОДИН БЕЛЫЙ СКАЗАЛ МНЕ...

— Ты негр,
Негр,
Ты грязный негр!
Губка — сердце твое,
Губка, что жадно глотает ядовитую влагу
порока,
А цвет твоей кожи обрек твою кровь
На вечное рабство.
Правосудье каленым железом тебя заклеямило,
Заклеймило твое греховное тело.
Твой путь, о проклятое чудище, — глухая
тропа униженья,
Твой завтрашний день будет так же
постыден и жалок,
Как нынешний день.
А ну, подставляй мне свою проклятую спину,
Что сочтется потом зловонным твоих прегрешений,
Поганые руки свои подставляй,
Неуклюжие руки раба.
Шевелись, работа не ждет!
И пусть моя жалость угаснет
При одном только виде твоём.

МОЕЙ МАТЕРИ

Когда меня осаждает память,
Память о боязливых привалах над краем бездны,
Память о ледяных океанах, поглотивших жатву,
Когда во мне оживают бесприютные дни —
В лохмотьях, в дыму дурмана,
За наглухо закрытыми ставнями,
Где одинокое сплело в безумной гордыне
Тщилось обнять пустоту, —
Тогда о тебе я думаю, мама,
О веках твоих прекрасных, опаленных годами,
Об улыбке твоей, царившей в моих
больничных ночах,
Об улыбке, которая торжествовала
над всеми невзгодами,
О моя мать — моя и всего человечества,
Мать ослепленного негра, который сегодня
Снова увидел цветы!

Я жадно, я жадно вбираю твой голос,
Прочерченный криком отщепеня,
Пронизанный кличем любви.

КОРШУНЬЕ

В ту пору
Под вопли о благах цивилизации,
Орошан водичей святой покорные лбы,
Прыга котги, коршунье громоздило
Кровавое здание колониальной эпохи.
В ту пору
Агонизировал смех в железном аду дорог
И монотонные ритмы молитвы
Глушили надрывную песню плантаций.
О едкая память, ты не забыла

ни предательских поцелуев,
Ни обещаний, изрешеченных пулеметным огнем.
Странные люди, вы не были вовсе людьми,
Вы знали все книги на свете, одного

не знали — любви!
Вы не знали, что наши руки,
пробуждающие земное лоно,
Корнями уходят в матаж.
И под ваши спесивые песни,
В разоренных селеньях четвертованной Африки,
Зрела надежда — нашей души цитадель.
И повсюду — от шахт Свазиленда
До тажкого пота заводов Европы
Под нашей поступью светлой рождается
тепло весны.

ИСТИННЫЙ ПУТЬ

Братья, молодость вашу жаждают они осквернить!
Так не ищите же правды в мерзких гримасах
В покровительственных шлепках и алькововых
их слов,
Красоты не ищите в той суетной маске,
изменах,
Которая флером надутым хочет прикрыть
их смердящие язвы,

А смех твой, как пламя, проравшее мрак,
Африку мне возвратил, и вечерашние льды
отступили.
Десять лет отступили, любима,
Десять лет нелепых иллюзий и мешанины
идей,
Десять лет дурманящих снов,
Десять лет... И дыханье огромного мира
Боль людскую вдохнуло в меня,
Эта боль помогла мне в сегодняшнем грохоте
Чистый голос завтрашней песни услышать,
Эта боль затопила меня необъятным
приливом любви,
Возле тебя я обрел наконец память крови
своей,
Обрел ожерелья беспечного смеха на груди
ликующих дней,
Дни обрел нескончаемой радости.

АФРИКА

Моей матери

Африка, моя Африка,
Африка воинов гордых в древних
саваннах,
Африка, о которой поет моя бабушка
На берегу далекой реки,—
Я тебя никогда не знал,
Но полнитса взгляд мой кровью твоей,
Черной прекрасной кровью, пролитой
в полях,
Кровью твоего пота,
Потом твоей работы,
Работой твоею рабской,
Работвом твоих детей.
Африка, скажи мне, Африка,
Эта спина, что согнулась
Под бременем униженья,
Эта исполосованная спина,
Говорящая «да» хлысту на дорогах
полудня,—
Ты ли это? Скажи!
И мне отвечает суровый голос:

А вашим ночам, задурманенным пропагандой
 смиренья,
 Вашим ночам, забрызганным воллями
 о благодати,
 Вашим ночам нескончаемых клятв и молитв
 Мы противопоставим
 Гимн раскованных мускулов,
 Гимн поднимающейся Африки, Африки в рубище,
 Африки, раущей тысячелетнюю тьму.

ОТСТУПНИК

Мой брат с белозубой улыбой, тающий
 от лицемерного комплимента,
 Мой брат в золотых очках,
 С глазами, заглубевшими от хозяйских речей,
 Бедный мой брат в смокинге с подкладкой
 из тонкого шелка,
 С отважным писком принимающий позы
 в снисходительно любезных салонах,—
 Нам жалко тебя.
 Солнце родной страны оставило только тень
 На твоём цивилизованном лбу,
 И память о хижине бабки твоей
 Заставляет краснеть твои щеки,
 Посветлевшие за долгие годы покорности
 и унижений.
 Но когда, пресытись словами, такими же
 звучно-пустыми,
 Как барабан, что сидит на твоих плечах,
 Ты пойдешь по горькой и красной африканской земле,
 Тогда, в такт своим беспокойным шагам, ты
 будешь твердить:
 «О, как я одинок, как я здесь одинок!»

ВОЗЛЕ ТЕБЯ

Возле тебя я обрел наконец свое имя,
 Имя свое, погребенное солончаками времен.
 Возле тебя обрел я глаза, не замутненные
 лихорадкой,

И не ищите любви в этом мире бессовестных ляжек
 И заплеванных кабаков.
 Правда, любовь, красота —
 Это рабочий, который взрывает мертвящую
 одурь их сонных салонов,
 Это женщина — видишь, как царственно поступить ее,
 Это полет поцелуя над трусливой границей расчета,
 Это цветы у влюбленных в руках
 И малыш на широком отцовском плече,—
 Это все то, что они утеряли
 И что мы драгоценным ковром развернем
 по дорогам Земли.

ЧАСЫ

Бывают часы мечтаний
 В спокойствии ночи, на дне тишины.
 Бывают часы сомнений,
 Когда раздираешь со стоном бархатный
 занавес фраз.
 Бывают часы мучительной боли,
 Когда вдоль военных дорог
 материнская память бредет.
 Бывают часы любви —
 В хижинах светлых, пронизанных песней желанья.
 И бывают часы, которые светом своим
 озаряют грядущие дни,
 Точно солнце, что на восходе румянит
 древесную плоть,—
 Так в сутолоке часов,
 В бреду беспокойных часов
 Наливается нового времени завязь —
 Плодотворных часов равновесья.

ЦЕПИ В АГОНИИ

Димбокрб... Пуло-Кондёр...
 Хороводы гиен вокруг кладбищ,
 Земля до отвала кровью сыта, солдатня
 ухмыляется,
 На дорогах дьявольский скрежет
 бронированной злобы,

В рисовом поле лежит убитый вьетнамец,
В Конго каторжник стонет.

Я слышу зловещую постель молчанья —
Тень стального крыла проносится

Димбокро... Пуло-Кондор...
над новорожденным смехом

Мечтали они, что цепи задушат надежду,
Что пот загасит искры горящего взгляда.

Но брызжет солнце из наших песен,
И от саванн до джунглей

Наши руки, готовые к бою,
Протянули даруенным невольникам полные

Димбокро... Пуло-Кондор...
горсти надежд.

Слышишь? Подземные соки бурлят.
Это песня убитых братьев.

Несет нас она к садам расцветающей жизни.

ТАНЦУЮЩЕЙ АФРИКАНКЕ

Негританка моя, африканская жаркая песня,
Ты загадочная земля, ты сокровище мысли

В танце твоём — открытая радость улыбки,
И щедрость груди, и тайная сила,

Ты танцуешь золотую легенду свадебных
знойных ночей,

И новое время танцуешь, и древние ритмы.
Негританка моя, торжество многократное

Любовница кроткая в объятиях струн,
Ты танцуешь головоккруженье,
Танцуешь магию гибкого станца, в которой

Рождается мир,
Ты танцуешь,
И мифы сторают вокруг меня,
Сгорают высокоученые бредни

В пламени радостном, озаряющем небо,
Ты танцуешь,
И корчатся в пламени ложные боги —

Взмётенном к зениту огне.
Возрастают в твоём

движений твоих,

сгорают в твоём

сгорают в твоём

сгорают в твоём

сгорают в твоём

Ты — лик посвященного в таинство,
Ты — воплощенная мысль Мироздания
Стрела, устремленная в самое сердце химер,
Ты — великое Слово,
Ты взрываешься стенами огненных брызг
На границе забвенья.

ПЖЕЦАМ

Уроды бесстыдные с дорогими сигарами в пасти,
Пограбшие по уши в оргиях,
Посадившие равенство в железную тесную клетку,
Вы проповедовали
Голубую печаль, закованную в цепи страха,
Вялую меланхолию в кандалах отрешенности

Ваши больные мозги
Неотвратимо влекли вас к бездне,
Содрогавшись от ужаса, и кошмаром вставал
от всего земного,

Образ арены, гудящей от поступи негров-атлетов.
А сегодня дрожат ваши площади и города
перед вами

И цепляются ваши плащавые речи за руины домов,
И мыслили ваши дружным плаксивым хором
И пылаются молнию превратить в мишуру.

Но теперь — кто поверит теперь гипнотическим
Кто не заметит ловушек, окруживших труппы
заклинаньям,

Кто поддастся теперь гнусавым призывам церкви,
Теперь, когда вольное лезвие ветра
триумфальные арки,
Режет жалкие пути,

Когда корчатся маскарадные тени под пятой
Сегодня достаточно вздрогнуть нежному стеблю маиса,
Достаточно вскрикнуть арахису над поверженным
голодом негритянским,

Чтобы наши шаги устремились навстречу
прямому и честному свету.

Виктор Гобю, с которым я разговаривал в дороге. — Страдаем мы, мелкие фермеры, зависящие от цен, которые нам диктуют заводчики, страдают рабочие плантаций и заводов, для которых уменьшение производства тростника равнозначно потере работы. Горькой ценой достаются Реюньону те 220 тысяч тонн сахара, которые мы ежегодно экспортируем во Францию.

Прогрессивные силы Реюньона, и прежде всего Реюньонская ком-

мунистическая партия, указывают, что развитие экономики Реюньона, в первую очередь индустриализация, является наиболее надежным путем для выхода из затруднений, переживаемых сейчас островом. Реюньон мог бы найти неплохой рынок для своей

продукции на Маэрикии, Мадагаскаре, Сейшелах, превратиться в базу снабжения продовольствием других владений Франции в Индийском океане — островов Крозе, Кергелен, Сен-Поль, Амстердам. Однако политика метрополии, поддерживаемая крупными плантаторами на самом Реюньоне, преследует своей целью увековечить монокультурный характер экономики острова.

«АВТОНОМИЯ!» — ТРЕБОВАНИЕ РЕЮНЬОНЦЕВ

Вот почему в настоящее время коммунисты Реюньона считают, что сохранение существующего ныне статуса «заморского департамента» является тормозом экономического и социального развития острова. Они требуют предоставления Реюньону автономии, которая бы позволила вновь созданным государственным институтам — Законодательной ассамблее и исполнительным органам — самим решать вопросы внутренней жизни острова. Учитывая исторические и экономические отношения, связывающие остров с Францией, коммунисты не требуют полного отделения Реюньона от Франции, они борются за новые, равноправные отношения между двумя территориями. «Автономия отнюдь не означает разрыва уз, связывающих остров с Францией», — подчеркивает Поль Вержес, генеральный секретарь ЦК РКП. — Не разрыв, но коренное изменение этих связей, превращение их в узы сотрудничества».

Свою борьбу за возрождение острова реюньонские коммунисты

ведут в трудных условиях. Властям дано право подвергать аресту и высылать за пределы острова любого, кто «посягает на целостность национальной территории», то есть требует пересмотра нынешнего подчиненного статуса Реюньона. За последние четыре года газета компартии «Темуаньяж» не менее 50 раз подвергалась запретам. Мне рассказывали о том, как полиция среди ночи, без ордеров, «по приказу префекта» арестовывала старых рабочих как «возможных организаторов» демонстраций. Я читал в газете «Прогрз» о том, как мэр Сен-Бенуа Давид Моро прибегал к мошенничеству, чтобы помешать успеху коммунистов на выборах. «Если не встать на их пути, коммунисты побеждают повсюду», — заявил он директору «Прогрз».

Это признание классового врага — лучшее доказательство популярности коммунистов, поддержки реюньонцами курса на предоставление острову автономии. Когда в 1963 году власти приговорили генерального секретаря ЦК РКП к тюремному заключению, товарищ Поль Вержес ушел в подполье. Простые реюньонцы не выдали властям руководителя партии, отстаивающей их интересы.

Путешествуя по Реюньону, я убедился, что большинство населения острова, поддерживая требования компартии, выступает за пересмотр исторически сложившихся неравноправных отношений между островом и метрополией. Всюду — на стенах домов и мостовых, на перилах мостов и нависших над городками скалах — я видел одно и то же слово: «Автономия!».

мунистическая партия, указывают, что развитие экономики Реюньона, в первую очередь индустриализация, является наиболее надежным путем для выхода из затруднений, переживаемых сейчас островом. Реюньон мог бы найти неплохой рынок для своей

ПИВО И ВИНО В АФРИКЕ

Пиво в жаркой Африке пользуется немалым спросом. В 1969 году его ввезли сюда на общую сумму в 11,75 миллиарда долларов, что составляет 7,7 процента мирового объема по стоимости. Единственной на континенте страной, экспортирующей пиво, является ЮАР. В том же году его вывоз дал ей 50 тысяч долларов.

Вина в 1969 году страны Африки ввезли на 33 848 тысяч долларов (6,5 процента оборота мировой виноторговли). В то же время четыре страны — Алжир, Тунис, Марокко и ЮАР — вывезли вино собственного производства на 110,7 миллиона долларов (Алжир — на 91 355 тысяч, Марокко — на 8629 тысяч, Тунис — на 6933 тысячи, ЮАР — на 3810 тысяч долларов). Главными клиентами этих стран были Франция, Англия, ФРГ, Швейцария, Канада, Швеция и Нидерланды.